

ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Речь т. Тросского на заседании правления Военно-научного общества 29 июля 1924 г.

Возможен ли "Устав" гражданской войны?

Позвольте сделать маленькое вступление к беседе. Дело, товарищи, в том, - об этом я уже говорил в своем военном докладе в Академии, - что мы до сих пор не обратились подытожить опыт гражданской войны, не только международно, но и нашей. Между тем, потребность в этом - и с теоретической, и с практической стороны - колоссальная. Гражданская война играла исключительную роль во всей истории человечества. За время с 1871 г. до 1914 г. роль эта для Западной Европы казалась /по сравнению/ отошедшей в прошлое. Импералистская война опять поставила гражданскую войну в порядок дня. Мы это знаем и понимаем, мы это взяли в нашу программу. Но научного подхода к гражданской войне, к ее этапам, формам и методам, у нас нет или почти нет. Даже в смысле простого описания того, что происходило в этой области за последние десятилетия, мы обнаруживаем чудовищную отсталость. Недавно, по другому поводу, я обратил внимание на то, что мы посвящаем довольно много времени к истории Парижской Коммуны 1871 г., а пропускаем совершенно мимо себя борьбу немецкого пролетариата, у которого есть уже богатый опыт гражданской войны, почти не замечаем, например, опыт болгарского вооруженного восстания в сентябре прошлого года. И, наконец, самое паразитичное это то, что мы как бы совершенно ослепли в архив опыт Октября: сгорели, изжарили и дажно... А у Октября, товарищи, есть чему поучиться, ч тои чело и военным деятелям, ибо будущее войны в несоразненно большей степени, чем прошлые, будут сочетаться с различными формами гражданской войны. В частности разработка опыта болгарского восстания в сентябре прошлого года - вопрос высокого военно-революционного интереса. Здесь можно собрать все документы, вызвать участников события, - их немало живет теперь на советской земле, - и сделать показания этих живых свидетелей. Но ордера для изучения налицо. Болгарские события легко обобщить: площадь, на которой разгорелось восстание, не больше нашего кружка гвар-

Здесь сведены все три выступления на указанном заседании.

нии, а организация борющейся сил, политические группировки и пр. все это имеет государственяни характер. К тому же опыт болгарского восстания для стран с подавляющим большинством крестьянского населения /в таких стран много, - весь Восток таков/ имеет колоссальное значение.

Итак, в чем же собственно практическая задача? Задача в том, чтобы составить универсальный справочник, или руководство, или учебник, или устав по вопросам гражданской войны, следовательно, прежде всего, по вооруженному восстанию, как выносу момента революции. Нужно подыскать опыт, проанализировать условия, разобрать ошибки, выделить наиболее правильно операции, извлечь необходимые выводы. Обогащать же эти науки, т.е. познание законов исторического развития, или искусство, как совокупность выведенных из опыта правил действия? И то и другое, думается мне. Но цель у нас строго практическая: обогатить военно-революционное искусство.

Такого рода устав будет, по необходимости, иметь очень сложное построение. Прежде всего нужно дать характеристику основных предпосылок захвата власти пролетариатом. Здесь мы еще остаемся в области революционной политики, но ведь восстание и есть продолжение политики - только особыми средствами. Анализ предпосылок вооруженного восстания надо приурочить к разным типам стран. Есть страны с большинством пролетарского населения и странами с ничтожным меньшинством пролетариата и с абсолютным преобладанием крестьянства. Между этими двумя полярными расположениями страны переходного типа. Нужно, стало быть, положить в основу исследования, по крайней мере, три типа стран: индустриальную, аграрную и промежуточную. Выводы о предпосылках и условиях революции /здесь должно дать характеристику особенностей каждого из этих типов под углом зрения гражданской войны. Восстание мы рассматриваем двояко: с одной стороны, - как определенную стадию исторического процесса, как определенное предположение об объективных законах классовой борьбы; с другой стороны, - с субъективной или активной точки зрения: как подготовку и проведение восстания, чтобы верно всего обеспечить победу его. Тут тесная аналогия с войной. И война есть, разумеется, продукт известных исторических условий, результат столкновения интересов. И то же время война есть искусство. Теория войны есть учение о силе и

сводках ее и об их группировке и употреблении для обеспечения победы. И воспитание есть искусство. Может и должна быть разработана теория восстания, понимаемая в чисто-практическом смысле, т.е. прилагательная до известной степени к военным уставам.

Конечно, тут можно сразу же натолкнуться на целый ряд несоумений и возражений: как, вы собираетесь писать устав вооруженного восстания, а тем более гражданской войны? Но, ведь это явная бюрократическая утопия. Вы хотите милитаризовать историю. Революционный процесс не поддается регламентации. Революция в каждой стране отличается величайшим своеобразием. Обстановка в революции непрерывно меняется. Не чудовищна ли сама мысль овести революционное руководство к ряду готовых шаблонов, записать по образцу австрийского Гейкхаггерата ряд непреложных параграфов и приписать их к неумолимому руководству?!

Да, если бы кто-либо претендовал на что-либо подобное, то подлежал бы осуждению. Но, в сущности, все эти соображения можно привести в противоявие военным уставам. Война происходит всегда в новых обстоятельствах, при новых условиях, которых нельзя заранее учесть. Тем не менее, без уставов, сводящих воедино военный опыт, невозможно руководство армии ни в мирное время, ни, тем более, в войну. Старое изречение не держись уставов, как слепой стены несколько не учитывает значения уставов, подобно тому, как диалектика не учитывает значения формальной логики и, в частности, правил арифметики. Несомненно, что элементов плановости, организованности, преднамеренности в гражданской войне несравненно меньше, чем в войне национальных армий. В гражданской войне политика сочетается с военными действиями несравненно теснее и непосредственнее, чем в национальной войне. Механическое перенесение методов из одной области в другую поэтому недопустимо. Но это вовсе не значит, что нельзя, на основании всего имеющегося опыта, вывести определенные методы, приемы, указания, директивы, советы, которые имеют большое значение и могут быть превращены в уставы и правила гражданской войны. К числу таких правил будет отнесено, разумеется, и указание на необходимость строжайшего подчинения чисто военных действий общей политической линии, строжайшего образования с обстановкой, с настроениями масс и пр. Во всяком случае, прежде чем пугаться утопичности такой задачи и пугать ее другими, нужно путем тщательного исследования разрешить, существуют ли общие правила, обуславливающие победу в гражданской войне или облегча-

эле эту победу, и чем эти правки состоят и пр. Только на пути такой проработки можно установить, где находится область практических, полезных, диспанкнируемых работ укажите, и где находится область бюрократической фантастики.

Попробуем же под эти углы зрения подойти к революции. Значит ее моментом является вооруженное восстание, которое решает вопрос о власти. Вооруженному восстанию предшествует непременный период организационно- и технически подготовки, разумеется, на основе определенно-политической кампании. Самым моментом вооруженного восстания представляет собой, по общему правилу, краткий но резкий период в ходе революции. Затем, в случае победы, наступит период закрепления победы путем разгрома остатков власти сил врага и создания нового государственной организации и вооруженной силы. В соответствии с этим устав гражданской войны - будем пока условно называть эту работу этим именем - должен распасться, по меньшей мере, на три части: раздел о подготовке к вооруженному восстанию, раздел о восстании и, наконец, раздел о закреплении победы. Таким образом, кроме указанного уже выше принципиального отступления, характеризующего, опять-таки, в общем, уставом как революционный вид предвосхищающие условия революции. Как устав будет включать в себя три части, о чем мы уже трезво рассуждали в начале этой гражданской войны. Такова стратегическая архитектура этой работы. Но здесь мы ставим перед собой стратегическую задачу: последовательную комбинацию различных сил и средств с целью разрешения основной задачи захвата и удержания власти. Каждая из частей этой стратегии гражданской войны предполагает ряд частных тактических задач: создание опорных боевых ячеек на фабриках и заводах, подготовку революционных комитетов на железных дорогах и в городах, организационную подготовку к захвату важнейших городских центров и проч. Также же частные тактические задачи вытекают из следующего этапа, т.е. по отношению к открытому восстанию, а также и из третьей части нашего устава, охватывающего период разгрома победившего врага и закреплении власти победителя.

Если ни принцип такой или подобной организационной схемы, то ни способ приступить к работе одновременно с разных концов. Можно будет с самого начала создать группу товарищей, которые займутся разработкой.

отдельных частных тактических вопросов, связанных с гражданской войной. Другие группы займутся разработкой общей стратегической схемы, принципиального определения и пр. Одновременно понадобится, очевидно, разработка наданных исторических материалов под углом зрения гражданской войны, ибо ясно, что устав эти события строить не от чистого листа, а под углом зрения большого опыта, освоенного и обобщенного, с одной стороны, с точки зрения марксизма, а с другой - с точки зрения военного дела.

Я ничего не говорю пока о слогане положения. Здесь было бы преждевременно предопределять что-либо заранее. В военных уставах неслучайно, как известно, только "порядки, а времен и случаев нет", т.е. пишется только директивные указания, а конкретные примеры и положения не приводятся. Сможем ли мы выработать этот же метод положения и для устава гражданской войны? В этом я не уверен. Очень возможно, что нам придется тут же, или в дополнительном комментарии, давать необходимые для стратегически исторически материал или, по крайней мере, ссылку на него. Такой способ изложения может оказаться полезным, особенно против излишней схематизации. Но, повторять, предопределять все сейчас литературными конструкциями, по меньшей мере, преждевременно.

- 4 -

111

Вооруженное восстание и назначение "суда"

Устав гражданской войны или устав вооруженного восстания? В думам все-таки, что если вообще брать слово устав, то скорее уж устав гражданской войны. Ина как-то, что некоторые товарищи сводили против этого, как будто синонимы гражданскую войну с классово-борьбой, а вооруженное восстание - с гражданской войной. Гражданская война предоставляет определенную этап классово-борьбы, когда эта последняя прорывает рамки легальности и переходит в плоскость открытого, и, до известной степени, стихийного сопротивления сил. В этом истолковании гражданская война охватывает и стихийные восстания по частным поводам, и кровавые выступления контр-революционных сил, и революционную вооруженную борьбу, и вооруженное восстание по ина заплата власти, и всеобщий подавления попыток контр-революционного восстания. Все это входит в рамки понятия гражданской войны, все это при вооруженного восстания и все-таки несравнимо уже понятия классово-борьбы, которая проходит через всю историю. Если говорить о вооруженном восстании, как задаче, то уж точно, а не так, как сплошь и рядом говорят - бесформенно, расплывчато, растворяя его в революцию и тем самым его на нет. От этой расплывчатости нам нужно отучить других и потому - прежде всего отучить себя сами. Где дело идет о вооруженном восстании, там уж стоять перед вполне уж определенно-ноль, распределяем роли, даем указания, связанные, разумеется, с лезвием шашки, вооружаем, выбираем момент, наносим удар и - берем власть, если... или не разбивают на голочу. Вооруженное восстание, по крайнее мере по азыслу, должно быть разыграно по плану. Восстание есть определенный этап революции. После того, как власть захвачена, гражданская война не прекращается, но принимает другие формы. Наш устав должен охватить и этот последующий этап. Вот почему речь идет именно об уставе гражданской войны, а не только об уставе вооруженного восстания. Хотя можно, разумеется, разделить и одну лишь эту задачу, как центральную.

Об опасностях схематизации мы уже говорили, но подожди к этому вопросу конкретнее, хотя бы на одном примере. Схематизация и притом крайне опасную, мне приходится иногда наблюдать на подходе некоторых из молодых наших военных академиков к военным вопросам революции. Если

ми возник три равнозначных нами этапа гражданского во. пн, то окажется, что военная работа руководит революционно партией ищет, приобщается к каждому из этих периодов, совершенно особый характер. В подготовительный период, мы видим это, очевидно, дело с различным характером, если господствующего класса, его армии, полиции и пр. Военная работа революционно партией на десять лет состоит в этот период в организации двоякого, внешнего и внутреннего и пр. вражеской армии и на одну десятую часть - из подготовки элементов собственно вооруженной силы. Разумеется, это армейское соотношение и беру совершенно правильно, но оно все же характеризует недостаточное содержание военно-политической работы революционно партией. Чем ближе к моменту вооруженного восстания, тем больше места занимает работа по созданию собственных вооруженных и полувооруженных отрядов. Здесь-то и возникает опасность академического схематизма. Совершенно очевидно, что отряды, при помощи которых революционная масса готовится совершить восстание, не могут иметь правильного характера, тем более по типу военных единиц этого типа: бригад, дивизий или корпусов. Разумеется, руководящий орган восстания должен стремиться ввести в него как можно больше элементов плана. Но план восстания строится не на централизованном управлении вооруженными силами революции, а на самой широкой самостоятельности каждого отдельного отряда при максимальной определенности указания ему заранее поставленной задачи. Вооруженная борьба со стороны восставшего ведется - по общему правилу - методами "народной войны", следовательно, отряды партизанского или полу-партизанского типа, основанными больше политически дисциплинированными и единством волевым сознанием задачи, чем какой-либо правильной централизованной иерархией военного управления. После овладения властью задача резко меняется. Борьба победоносно революции за самооборону и развитие принимает образ борьбы за создание централизованного государственного аппарата. Партизанщина не только неизбежна, но и глубоко прогрессивная в период борьбы за власть, может стать после завоевания власти источником величайшей опасности, раскрывая слабую сторону революционной государственности. Тут то и открывается уже период создания регулярной Красной Армии. Все эти моменты должны найти свое последовательное отражение в уставе гражданского во. пн.

В тосно: связи с этим стоит вопрос о так называемом: сроке воору-
женного восстания. Само собой разумеется, что дело не идет о каком-ни-
будь произвольном назначении срока, так сказать, через голову вооружен-
ного восстания. Дело не идет также о назначении какого-либо неопределенного и неизменного
срока. Наконец, уже во всяком случае, дело не идет об отрицании про-
возглашения какого-либо срока, в духе старого лозунга: такого-то числа
"иду на вы". Чтобы так подходить к вопросу о сроке нужно обладать
совершенно таким революционным представлением о характере революции и ходе
ее. Что восстание не является по произволу, это мы, как марксисты,
должны знать твердо и понимать ясно. Но когда объективные условия
для восстания налицо, то восстание не само по себе делается - его
нужно одолеть. А чтобы одолеть его, руководящий орган должен иметь в
голове план восстания, прежде чем его осуществлять. План восстания пред-
полагает ориентировку в пространстве и по времени. Нужен опыт тыся-
челюстной учет всех факторов и элементов восстания, нужен глазомер, чтобы
определить их динамику, нужен глазомер, чтобы определить тот разбег,
какой требуется авангарду класса, чтобы не оторваться от класса, и в
то же время совершить решающий прыжок. Одним из необходимых элементов
этой ориентировки и является срок вооруженного восстания. Он намеча-
ется заранее, когда предпосылки восстания приравниваются к спору. Разу-
меется, этот срок не провозглашается по всеуслышанию, наоборот, он маски-
руется по возможности от врага, но так, чтобы не вестись в заблуждение
собственной партией и массами, - думно на него. Работа партии в разрыв об-
лестях приурочивается к этому сроку, подгоняется под него. Разумеется,
если глазомер обманул нас, то срок может быть изменен, хотя это всегда
уже связано с серьезными затруднениями и опасностями.

Надо прямо сказать, что вопрос о сроке восстания приобретает в по-
стоящих случаях характер лажуговости: бумаги по отношению к революцион-
ному сознанию многих и многих западно-европейских коммунистов, до сих
пор не освобожденных от выжидательного, табулированного подхода к
основным задачам революции. Наиболее глубокое и талантливое понимание
этот подход налицо еще у Розы Люксембург. Психологически это вполне по-
нятно. Она выросла, главным образом, в борьбе против бюрократического
аппарата германской социал-демократии и германских профсоюзов. Она
неуклонно доказывала, что этот аппарат угрожает внимательному массе, а она

пидела спасение и выход в стихийном движении народа, которое должно опровергнуть все социал-демократические заставы и рогадки. Революционная массовая стачка, передвигаясь через все органы буржуазного общества, стала для Лигеобурга синонимом пролетарской революции. Но массовая стачка, как бы мощно и массовилась она ни отличалась, все не решает проблемы власти, а только ставит ее. Чтобы взять власть - нужно, на основе всеобщей стачки, организовать вооруженное восстание. Разумеется, все развитие Роны Лигеобургшло в этом направлении: она согласилась с этим, не сказав по крайней мере своего последовательного слова. Однако, в германской коммунистической партии очень ослепли быды по самому недавнему времени тенденция революционного фатализма: революция идет, революция приближается, революция придет с собой вооруженное восстание и власть, а партия... будет в это время вести революционную агитацию и ждать последствий. В таких рода условиях ставить ребром вопрос о сроке значит пробуждать от фаталистического плескности и поворачивать лицом в сторону совершенно революционно-палача, т.е. сознательно организованного вооруженного восстания с тем, чтобы взять у врага власть.

Вопрос о сроке в конечном счете постановке также должен найти свое место в уставе германской партии. Этим самым мы обогнали подготовку партии к восстанию, по крайней мере, подготовку ее руководящих кадров. Нужно иметь в виду, что для коммунистической партии самый трудный будет переход от исключительно подготовительной работы к непосредственной борьбе за власть. Этот переход не может быть совершен без кризиса, причем очень и очень глубокого. Преодолеть этот кризис, облегчить группировку наиболее ответственных руководящих элементов, можно только одним путем: побуждая кадры партии продумывать и прорабатывать все вопросы революционного восстания заранее и тем конкретнее, чем ближе надвигаются события. Изучение октябрьской революции имеет с этим тоже весьма совершенно неоценимое и незаменимое значение для европейских коммунистических партий. У нас, к сожалению, такого изучения сейчас нет, и его не может быть, пока не будут созданы надлежащие условия. Ни сами не изучили и не овладели восходящим опытом октябрьской революции и, в частности, ее военно-революционным опытом. Нужно проследить все этапы подготовки от марта до октября, ход октябрьского восстания в нескольких наиболее тя-

гитловских пунктах и затем - борьбу за закрепление власти.

Для кого мы будем писать этот устав? Некоторые товарищи говорили левее: для рабочих. Для того, чтобы наши партия знала в чем. Разумеется, было бы очень хорошо, если бы наши рабочие знали. Но такая постановка вопроса слишком широка и утопична. Начинать, во всяком случае нужно не с этого. Наш устав должен быть в первую голову предназначен для руководящих кадров, для командного состава революции. Разумеется, по частям, по отдельным вопросам он будет использоваться для более широких кругов, но, в первую голову, он должен быть предназначен для руководителей. Но, прежде всего, нам нужно самим собрать свой опыт и свои мысли - для себя самих, по возможности ясно формулировать их, тщательно проанализировать и прояснить, по возможности, в свете. Некоторые товарищи пишутся радиозадание по интернациональной линии, что во всем происходит слишком редко для воспитания сознательных кадров. С некоторыми опасениями можно сказать, что революция происходит слишком редко для воспитания революционного. Нам же приходится говорить в том смысле, что мы уже зрелыми людьми пережили революцию 1905 г. и дошли до руководящего участия в революции 1917 г. Но и то приходится сказать, что в будни революционной опыт очень быстро выветривается. Столько новых практически непонятных, частных и несущественных явлений! Мы теперь гораздо чаще вынуждены размышлять о том, как делается Октябрь, Золотовство, колхоз-администрация, чем о том, как делается восстание. Но и этот гословный вопрос далеко еще не устарел. Опыт на него понадобится исторически еще не раз.

Когда начинать?

Германская катастрофа пришлого года поставила Коммунистический Интернационал перед вопросом о методах организации повстаний, в частности, перед вопросом о революционной вооруженности. На этом основе вопрос о назначении срока получения принципиального значения, так как на нем ясное и последовательное решение зависит от того, насколько ясно с организационной точки зрения... Социал-демократия устояла, но ответственность, отношение к революции, много характеризует демократию в вопросе борьбы с буржуазией с абсолютной и монархической властью. "Урсулани" демократии спускают на революцию, но берут на себя ответственность за нее. В подходе к вопросу "жизни" борьбы демократии бросает на путь ассоциации "интервенции" не, сию" обременительный и опасный и другие средства классового влияния, чтобы захватить власть в свои руки. Германская социал-демократия организовала революцию в конце 1918 г., пытаясь при этом по существу организовать аппарат для получения власти, независимо от того Гегеншлагера, в руках буржуазии. Такая попытка выдвигается спонсорства абсолютной не ответственности о коммунистическом, поскольку он ставит себе задачу "интервенции" государственную власть от власти государства и в интересах пролетариата. Государственный революция есть революция огромных масс, и борьба ведется с ними на организационных. Ответственность не играет в демократии колоссальную роль. Обременительность победит только интервенционному коммунистическому партии, которая ставит себе вполне определенную цель захватить власть, чтобы эту цель продолжить, поразбавляет, подготавливает и - на основе массового движения - осуществляет. Коммунистическая партия имеет централизованность, ответственность, дисциплину: подкомитет к вооруженному движению занимается пролетариату в деле борьбы за власть то проинициатива, инициатива является уже одним ее экзистенциальным положением. В этом смысле вопрос о сроке не есть какая-либо техническая деталь, - в вопросе о сроке явное и конкретное решение выражает отношение к вооружению, как к искусству.

По вопросу о том, когда начинать /вопрос о сроке/, нельзя, разумеется, порекомендовать часто повстанцев предостережение на вооруженное восстание. Государство, располагая все необходимые армиями, имеет полную власть, вообще говоря, в любой момент. Но при этом самое основное понятие вопроса о переходе в наступление

ленке репается командованием, разумеется, не по принципу, а с учетом
все" обстановки, но учет чисто "военно" обстановки все же право, чем
учет обстановки революционно-политической. Военная организация имеет
дело с вполне оформившимися боевыми единицами, связанными пролетарской
во" тивательной-продукцией и обработанной силой, - командование как
бы держит армян в кулаке. Разумеется, этого нет и не может быть в рево-
люции. Здесь боевые отряды по отходам: от масс к могут развить удар-
ную силу только и опираясь на наступательный локонзон сил" масс. Рево-
люционная командование должно, следовательно, уловить ритм локонзон
для того, чтобы правильно определить момент, когда можно перейти в ре-
волюцию наступления. И опираясь на эти, вопросы назначения срока представля-
ется очень сложными. Разумеется, обстановка может сложиться о абсолют-
ной ответственности, когда у руководящего органа партии не может оста-
ваться более и тени сомнения: пора ли час, шло до" отступить! Но если
такая оценка является за 24 часа до решающего момента, то приказ может
запоздать, партия может оказаться достигнута" врасплох и, следовательно,
не способно" овладеть движением, которое в таком случае может по"ти па-
рачить поражение. Нужно, следовательно, по возможности заранее предви-
деть приближение решающего момента, или, иначе сказать, нужно своевре-
менно, сообразуясь с общими тоном движения и со все" обстановкой в стране,
поставить срок для решающего удара.

Если, скажем, срок назначен через месяц или два, то за это время
Центральные Комитет или руководящий орган партии дает партия необходи-
мые разговаривать путем решительной агитации, которая ставит все основные во-
просы ребром, и путем соответствующей организационной подготовки, отбо-
ра и распределения наиболее боевых элементов и пр. Совершенно очевид-
но, что срок, назначенный на месяц, за два, а тем более за три или на че-
тыре, не может иметь абсолютного характера, но тактика сама должна быть
такова, чтобы она всем ходом своим проверяла правильность или попра-
вляемость назначенного срока по мере приближения к нему. Зовем пример:
политическими предпосылками успешного вооруженного восстания являются
поддержка боевого авангарда большинством трудящихся в решающих пунктах
и областях страны и соответственная раскатка органов государственной
власти. Допустим, что такое состояние предвидается, но еще не наступило.
Силы революционной партии быстро нарастают, но еще трудно констатиро-

гать, есть ли за нее необходимо большинство. Между тем, обстановка становится все более и более острой, вопрос о восстании становится, как практическая проблема. Как поступает Центральный Комитет партии? Он может наметить, например, следующий план: 1/ раз или два партия быстро растет, если судить по тому количеству рабочих, то можно надеяться, что в таких то и таких то местах - тех пунктах страны большинство рабочих уже в близкие месяцы окажется на наших сторонах, - следовательно, в таких местах партия должна суметь партию и добиться положительных результатов, что ввиду большого большинства потребует от нас еще усилий; 2/ раз большинство рабочих тех пунктов на наших сторонах, то мы должны призвать рабочих к созданию советов рабочих депутатов, разумеется, при условии, что дальнейшая раскатка политической работы будет идти через них. Допустим, что при создании советов в различных центрах страны как потребуются еще две недели; 3/ раз в различных центрах и областях страны возникнут советы под нашим руководством, то следующие естественным образом явятся общесоюзные советы с общими советами. На это тоже нужно недели две-четыре. Соответственно очевидно, что в такой обстановке с созданием советов должен только убедиться захват власти, являясь с собой окажется пустым и будет парализован, - другим способом, что до момента схода революции аппарат власти должен быть в руках пролетариата. Таким образом, восстание начинается через два - три с половиной месяца. Этот срок, ничтожный для общей оценки политической обстановки и ее дальнейшего развития, а также чтобы определить характер и темп подготовительной работы - следовательно, работы по линии разложения буржуазной армии, по линии работы на железных дорогах, по линии создания рабочих популяризованных отделов и пр. Мы должны вполне определенно валично по полному командованию города: в течение первых четырех недель сделать то-то и то-то, в следующие две недели детализировать и углубить работу так-то и, наконец, через восемь дней недели быть наготове к действию. Военно-революционная работа ведется, таким образом, в рамках определенного срока с конкретными этапными частными целями. Этих устраиваются та расплывчатость и неопределенность, которые могут оказаться роковыми; наоборот, достигается определенная концентрация усилий и соответственная ответственность руководителей, не только сверху, но и снизу. Тем временем политическая работа идет своим ходом. Революция развивает свою дальнейшую логику. Через месяц мы уже имеем объективную проверку: действительно ли

партийная организация должна обеспечить выполнение работы в полном объеме в кратчайшие сроки. Эта проверка может быть дана как жюри-рецензентам, так и самим исполнителям. Если же выяснится, что первый этап был преодолен полностью, то этим самым намеченный план для выполнения срока получает уже серьезное подкрепление. В противном случае, если бы оказалось, что явление не так, серьезно поработать за месяц, тем более не обеспечит за ним дальнейшей работы. Поэтому бы, очевидно, отодвинуть срок. Одновременно мы должны все время и новую проверку того, насколько правильно: как работа, насколько дисциплинированно. Если, насколько больше аппарат управления. Этих проверок исполняется, в своем порядке, то, какая часть будет выполняться работниками, а какая останется в процессе выполнения. Организация работы должна быть создана только в процессе выполнения работы. Но тем, кто их исполнит будет вносить к делу под руководством работников. Поэтому при этом важно знать в первую очередь, как так сказать, работа будет считаться себя не только, исходя не из общего количества работы и соотношения сил, а по количеству выполненных организационных достижений; но также, конечно, общая политическая оценка, и в том числе оценка ударных сил всегда и начать сработавших. Таким образом, если, например, за два-три-четыре месяца, может оказаться совершенно невыполненной организационной работой, независимо от того, будет ли он затем подтвержден пунктуально или же будет передан на несколько лет или недель и т.д. или в сторону. Разумеется, наш пример не тот гипотетический, но он, как мне кажется, достаточно хорошо иллюстрирует явление. Дело идет не о какой-нибудь игре с календарными датами, а о том, чтобы научиться работать по ходу своих событий, проверять этот график намеченный срок через соответствующими этапами планирования, все более уточнять этот срок и в то

... время протренировать и кому целесообразнее революционная работа
во всех областях работы.

Это раз по-второму: под этим углом зрения надо тщательно обра-
зом изучить опыт октябрьского переворота - единственно до сих пор
победоносной революции пролетариата. Надо составить стратегический
и тактический календарь октябрь. Надо показать, как события нарастали
и шли за ними, как они отражались в партии, в советах, в Центральном
Комитете, в рабочем организмах. Что означала колеблющаяся внутри партии?
Почему был не удачным курс и обком раннего события? Какова была роль
рабочего организмов? Вот работа непростая, важная. Излагать ее
лучше было бы приличными проступлениями.

Затишье перед грозой.

Есть еще один вопрос, который имеет громадное значение для понимания хода гражданской войны, и который должен войти то или другое выражение в нашем будущем „уставе“. Кто внимательно следил за процессами, возникшими после германских событий прошлого года, тот, разумеется, заметил такого рода обяснение великого поражения: „главная причина в том, что у немецкого пролетариата к моменту решающих событий не было боевого настроения; масса не хотела драться; это лучше всего доказывается тем, что она не откликнулась на наступление фашистов; а раз масса не хочет драться, что же тут может сделать партия...“ и пр. и пр. в том же роде. Мы слышали это от т.т. Брандлера, Тальгеймера и др. На первый взгляд довод кажется действительно неопровержимым: если масса не хочет драться, то тут уж ничего не поделаешь. Но, с другой стороны, откуда же возник решающий момент? Он явился результатом всей предшествующей борьбы, которая шла, развивалась и обострялась. 1928 год наполнил болями немецкого пролетариата. Как же это так могло случиться, что как раз перед своим октябрем немецкий рабочий класс сразу лишился боевого настроения. Непонятно! Да верно ли само указание на нежелание рабочих драться? возникает естественный вопрос. А от этого вопроса мало идет нас снова к нашему собственному октябрьскому опыту. Если перечитать пред'октябрьскую печать, хотя бы только нашу партийную, то увидим, что товарищи, выступавшие против вооруженного восстания, опирались именно на нежелание рабочей массы драться. Со временем это кажется невероятным, но, тем не менее, таков был главный аргумент. Мы имели, следовательно, аналогичное явление: весь 1917 год был наполнен болями пролетариата, а когда дело дошло до захвата власти, раздались голоса о том, что масса не хочет драться. И действительно, в движении перед октябрем наступило некоторое затишье. Случайность ли это? Или это некоторый исторический „закон“? Устанавливать закон было бы, пожалуй, слишком поздно. Но совершенно несомненно, что для такого явления должны быть некоторые общие причины. Явление это в природе называется „затишьем перед бурей“. Смысл его в революции, мне кажется, таков. В течение известного периода боевое настроение массы рас-

тет, принимая самые различные формы: стачки, манифестации, уличные столкновения и т.д. Масса впервые начинает по-настоящему созрывать от его влияния. Один уже рост массовидности движения доставляет массе политическое удовлетворение. Вчера в движении участвовали сотни тысяч, а сегодня миллионы. Цели ряд экономических и политических позиций важнейших стачечным движением, масса поэтому легко пускается в каждую новую стачку. Но этот период неизбежно исчерпывает себя, растет опыт масс и растет о нем ее организация. А, с другой стороны, и враг показывает, что не собирается сдавать своих основных позиций без боя. В соответствии с этим революционное настроение масс становится более критическим, более углубленным, затем и более тревожным. Она ищет - особенно после тех или других промахов или частичных поражений - правильного руководства, хочет получить уверенность в том, что ее будут и умеют руководить, и что в решающем бою она может твердо рассчитывать на победу. Вот этот переход от оптимистической, почти не рассуждающей стачечности к более критической сознательности и порождает революционную волю - известную кризис в настроении масс. При прочих необходимых условиях этот кризис может быть преодолен только политической партией, т.е. прежде всего ее подлинно готовностью руководить восстанием пролетариата. Между тем, историческая грандиозность задачи /захватить власть! / порождает неизбежные колебания и в самой партии, особенно в верхах ее, где концентрируется ответственность. Объявления, воззвания, конечно, не равнозначны - затихшие перед бурей или крики и колебания на верхах - естественно совпадают по времени. И вот почему мы слышим предостерегающие голоса: "Вы видите, масса совсем не рвется в бой, наоборот, она настроена скорее пассивно; было бы при таких условиях авантюристом звать ее на вооруженное восстание..." Неважно говорить, что когда такие настроения получают преобладание, то этим одним уже революции обеспечено поражение. А после поражения, происшедшего по инициативе партии, открываются уже полная возможность твердить на все лады, что восстание было невозможно, так как массы его не хотели. Этот вопрос должен быть тщательно проработан. Надо, на основании имеющегося опыта, учиться определять этот предгрозовой момент, когда пролетариат как бы говорит себе... "Одними стачками, демонстрациями, протестами дальше не пойдешь; тут уж нужно драться; драться я готов, пото-

му что другого выхода нет; но драться уж надо понастоящему, т.е. сосредоточив все силы и обеспечив правильное руководство. Тут вся ситуация наостряется до последней степени. Обстановка характеризуется архинеприятным равновесием: шар на вершине колуна. В зависимости от толчка, шар может скатиться и в ту и в другую сторону. У нас, благодаря твердости и решимости партийного руководства, шар пошел по линии победы. В Германии политика партии толкнула шар в сторону поражения.

1180

Политика и военное дело.

Какой характер должна иметь наша работа над „устройством“: политическим или военным? Она начинается с того пункта, где политика превращается в военное дело, и рассматривает дальше политику под углом зрения военного дела. Это на первый взгляд кажется противоречием, потому что на политика служит вооруженному восстанию, а вооруженное восстание служит политике. Но на самом деле тут никакого противоречия нет. Восстание в целом служит, разумеется, основным целям пролетарской политики. Но когда восстание в ходу, то текущая политика должна быть полностью и целиком подчинена восстанию.

Переход политики в военное дело в сочетании их вообще создает большие трудности. Мы знаем, что отныне слабее этого. Вот на отрывах между политикой и ее военным продолжением также нетрудно споткнуться. Мы это видели немножко и здесь. Товарищ X посоветовал нам методом от обратного, как трудно сочетать политику с военным делом, товарищ У ошибку товарища X еще подкрепил. По словам товарища X выходит, будто Ленин в 18 году введения Красной Армии не признавал, а говорил, что борются две мировые силы, и это еще опасно. А товарищ У прибавил: „да, мы играли роль оmentе гося третьего“... Никогда ничего подобного товарищ Ленин не говорил и не мог сказать. Здесь у обоих товарищей явно неправильный переход от политики к военному делу. Конечно, если бы Германия была к моменту нашей октябрьской революции победительницей, если бы европейский мир был уже подписан, то Германия нас раздавила бы, если бы мы при этом имели в это время, пятьсот тысяч или даже в три миллиона, - она бы нас раздавила, но такой силы, как победоносная германская армия, у нас не могло бы быть ни в 18 ни в 19 году. Следовательно, борьба двух мировых лагерей была для нас основным прикритием. Но в рамках этой борьбы мы погибли бы от раз, если бы у нас не было в 1918 году нашей маленькой и слабой Красной Армии. Также то обстоятельство, что Англия и Франция парализовали Германию, решало проблему Кавказа? Если бы Кавказ не удержали английские полурегиментарные полурегулярные отряды и дали бы нам продвинуться до Ичнего и Москен, то нас перерезали бы, как кур, и были бы правы, а мы могли бы сколько угодно советовать при этом на то, что

хотя армии у нас и нет, но зато мы "оменили"ся третью... с пере
рваным горлом. Топ. Ленин становится на точку зрения политическую
и говорит: милые друзья, военные работники, не забывайте. Вы
представляете лишь один из факторов в сочетании сил, но вы не един-
ственная и даже не главная сила, - держащая нас фактически европе-
ской войной, т.е. благодаря тому, что империализм сейчас друг друга
парализует". Но откуда никак не вытекает, будто Ленин в 18 году
"не придавал армии значения". Если перевести тот же метод рассужде-
ния на внутренние задачи революции, на вооруженное восстание, на-
пример, то приходим к очень любопытным выводам. Возьмем, например,
вопрос о создании боевых отрядов. Подпольная или полуподпольная
коммунистическая партия через свой подпольный военный отдел создае
ет боевые отряды. С точки зрения решения вопроса о власти это как
будто совсем-таки ничтожная вещь. Что такое несколько десятков во-
оруженных или полувооруженных отрядов? Если стоять на точку зрения
социализма, историческую, то вопрос о власти решается составом об-
щества, ролью пролетариата в производстве, политической сознатель-
ностью пролетариата, степенью развитаости старой государственной
власти и пр. - вот чем решается вопрос. Но ведь это только в послед
или предпоследнем
моментах? А непосредственно? Непосредственно исход борьбы может
зависеть от наличия десятка вооруженных отрядов. Необходимые со-
циальные и политические предпосылки /этим предпосылкам должно быть
позволено введение в наш "Устав" / создаст предварительные условия
успеха, но они автоматически новое еще не обеспечивают успех, они
доводят дело до того пункта, где политика переходит в вооруженное
восстание, и говорят: "а теперь можно уже поработать штыком!"

Еще раз повторю. Гражданская война есть обостренное продолже-
ние классовой борьбы. Вооруженное восстание есть продолжение по-
литики, но особыми средствами, поэтому и судить о восстании нужно
под углом его особых средств. Нельзя мерить политику военным ар-
мию, но и военное дело нельзя мерить одним лишь политическим ар-
мию, - скажем в отношении времени. Это тоже серьезный и самостоя-
тельный вопрос, который должен найти свое решение в нашем Уставе. В
подготовительный период мы измеряем время политическим армией,
т.е. годами, месяцами, неделями. В период вооруженного восстания
мы измеряем время часами и днями. Недаром говорится, что в воен-
ное время месяц идет за год; иногда и день за год. В апреле 1917 г.

Ленин говорил: "терпеливо и осторожно разъяснять рабочим...", а в конце октября уже не оставалось времени на терпеливое разъяснение тому, кто еще не понял, - нужно было идти с наступлением во главе тех, которые уже поняли. Удущение личного дня в октябре означало бы крушение работы многих подготовительных месяцев и лет. Я вспоминаю ту всякую игру, которую мы проводили несколько месяцев тому назад в Военной Академии. Там у вас вышел, насколько помню, спор, уводить ли немедленно часть из Белостокского района, ввиду безнадёжности тамозных позиций, или задержаться там в надежде на восстание в Белостоке, как пролетарском городе. Разумеется, решить такой вопрос серьёзно можно лишь на основании самых точных и реальных данных. Военная игра этими данными не располагает, так как в ней все условно. Но принципиально говоря, в вашем споре столкнулись два мира времени: одно военное и революционно-политическое. А какое мерило, при прочих равных условиях, господствует на войне? Военное. Другими словами: поднимется ли Белосток за несколько дней - сомнительно; да если и поднимется, то неизвестно, что сделает поднимающаяся пролетарият без всякой подготовки и вооружения, а потерять за два-три дня два-три дня жизни вполне возможно, если они будут топтаться на безнадёжных позициях в ожидании восстания, которое само по себе не может как радикально изменить всякую обстановку. На известном опыте с Брест-Литовским миром мы имели классический пример правильного применения политического и военного мерил времени. Вы знаете, что большинство Центрального Комитета, и я в том числе, решило против меньшинства, во главе которого стоял тов. Ленин, не подписывать мира, хотя и был риск, что немцы начнут наступать. Какова была мысль этого решения? Часть товарищей утопически надеялась на революционную войну; другая часть, и я в том числе, считала необходимым "проупать" немецкого рабочего: оцает ли он сопротивление кабару, если тот станет наступать на революцию. В чём была идея о "жоба"? В чрезмерности риска. Для того, чтобы раскатать немецкого рабочего могли понадобиться недели или месяцы, а для того, чтобы немцами войскам добраться до Двинска, Минска и Москвы нужны были, по тем временам, недели и дни. Революционно-политический армия - долгий, а военный - короткий. И кто не уяснит себе этого до конца, как следует быть проработав немецкой опыт, продумав и обоблив его, тот рискует на сочетании революционной политики и военного дела, т.е. на величайшего нашего преимущества, сделать источник новых и новых ошибок.

Необходима революционная воля в постановке вопроса
гражданской войны.

Тот же сплеть вернул нас к вопросу о том, какой собственно устав мы ищем: устав вооруженного восстания или устав гражданской войны. Я все-таки остался при своем мнении, говоря, не надо, говорят они, замаскиваться одежкой буржуа, иначе наша задача совпадет с задачей политиком Коминтерна. Ничего подобного! Кто так говорит, тот явно смешивает гражданскую войну в точном смысле этого слова с классово-борьбой. Если мы обратимся к Германии, как к объекту изучения, то мы знаем, например, с большой пользой заняться мартовскими днями 1921 года. После того следует длительный период собирания сил под лозунгами единого фронта. Совершенно очевидно, что к этому периоду устав гражданской войны никак не подойдет. С января 1923 года, с оккупации Рурга, создается новая революционная обстановка, которая резко обостряется с июня 1923 года, когда терпит поражение буржуазная политика массового сопротивления и, вместе с тем, начинается или разваливается вся буржуазная государственность. Вот этот период мы, разумеется, должны подвергнуть тщательному изучению, с одной стороны: как классический образец развития и нарастания революционной ситуации, а с другой стороны как столь же классический образец упущенной революции.

Гражданская война в Германии была в прошлом году, но увенчана и разрезана всего через вооруженное восстание она не получила. Неудовлетворительная и бесперспективная революционная ситуация сложилась на этот, и буржуазия снова упрочилась. Почему? Потому что политика не получила в необходимый момент необходимого продолжения другими, т.е. вооруженными средствами. Разумеется, что возрождение в Германии буржуазного государственного режима после прошлогоднего срыва пролетарской революции имеет очень и очень сомнительную устойчивость. Революционная ситуация вернется - когда именно, нельзя сказать. Но совершенно очевидно, что август 1924 года совсем не таков, каким был август 1923 года. И если бы мы закрывали глаза на опыт, если бы мы не научились из опыта, если бы мы постоянно или невотречу новым ошибкам такого рода, то это могло бы привести к повторению прошлогодней немецкой катастрофы, что создавало бы величайшую угрозу для революционного движения.

Вот почему в этой области меньше, чем в какой-либо другой, мы можем допускать смазанность основных понятий. Здесь опять штатков приведем бесформенно-скептические возражения насчет срока, явно уклоняясь от марксистско-ленинской постановки вопроса о постановке, как искусств. В качестве чего-то чрезвычайно нового и поучительного нам приедут возражения о том, что условия очень сложны, что обстановка меняется, что нельзя поэтому заранее себя ограничить и пр. и пр. Но если не идти дальше этих общих мест, то нужно ведь отказаться и от оперативных военных планов и сроков, ибо на войне условия иногда быстро и неожиданно меняются. Оперативный план никогда не реализуется на 100%, хорошо, если он реализуется на 25%, т.е. подвергается на 75% изменению в процессе своего выполнения. Но полководец, который на этом основании стал бы вообще отрицать пользу оперативного плана, заслуживал бы омирительной рубрики. И во всяком случае, я рекомендую такой путь, как методологию здесь единственно правильной: давайте находить общие правила, общие нормы, а затем будем говорить об изъятиях, введем оговорки и пр. Если же мы начнем с изъятий, оговорок, уклонений, сошленин, колебаний, то мы до каких пределов никогда не доберемся.

Один из выступавших товарищей оспаривал мое замечание насчет эволюции военной организации в подготовительный период, во время восстания и после захвата власти. Партизанщина - говорил он - вообще недостаточна, нужна правильная военная организация. - Партизанщина есть хаос. Случая эти речи, я чуть-чуть не дошел до отчаяния. Что это, в самом деле, за невозможное доктринерско-академическое высказывание! - Партизанщина есть хаос. Да с этой формально-генерально-штабной точки зрения и революция есть хаос. И большую войну мы в соответствующих случаях будем дополнять малой войной, т.е. такой, которая ведется отрядами партизанского типа. А в первый период революции только на такие отряды и приходится, главным образом, полагаться. Но - обращает нам - эти отряды должны быть "тихими". Если вы хотите этим оказать помощь, что и в партизанскую войну нужно ввести все доступные ей элементы упорядоченности, то это правильно. Но если вы мечтаете об иерархически-централизованной военной организации, созданной уже до вооруженного восстания, то это утопия, которая может оказывать при проведении роковой. Если передо мной стоит задача

овладения не подполья городом /как часть задачи по овладению
властью в отряде/, то я разбивал эту задачу на ряд частных
задач /овладение главными правыми лютевинскими зданиями, вокзалом,
почтой, телеграфом, типографиями/ и поручал исполнению каждой из
них начальникам наиболее самостоятельных отрядов, заранее подго-
товленных для этих задач. Каждый отряд должен полагаться только
на себя и иметь при себе своего главного интенданта, иначе - за-
хватив телеграфную станцию, отряд может оказаться без связи. По-
тому за типограф регламентацией неизбежно приходится к бюрократиза-
ции, которая в этот период опасна вдвойне: во-первых потому, что
впускает начальникам боевых дружин и отдельным дружинникам ложную
идею о том, что кто-то будет сверху управлять, командовать,
тогда как им нужно воспитывать в духе максимальной самостоятель-
ности и предприимчивости; с другою стороны - бюрократизация, свя-
занная с иерархическою системою, оттягивает лучшие элементы из дру-
жин по полкам штаба. С первого же момента остаются штабы эти
величественным образом повиснут в воздухе, а боевые отряды,
ожидая рюкзак сверху, будут обречены на полупассивность и
утрату времени, что для боестановки означает верную гибель. Вот
почему генерально-штабное чванство по отношению к партизанам,

идае борозды, как герон, и паш, как герон. Се час в свете их великих заслуг перед революцией совершенно бледнеют и меркнут те или другие отрицательные партизанские черты их боевой работы. Но в тот период борьбы с этими чертами была обязательна. Только через борьбу с партизанщиной мы пришли к созданию Красной Армии и к ее решительным победам.

Еще и ^{раз} предупреждаю против расплывчатости терминологии, так как во этом случае всего окривляется расплывчатость понятий. Еще и еще раз предупреждаю против уклонения от прямого и исключительно постановки вопросов под предлогом того, что все течет, все изменяется. Внешним образом это чрезвычайно напоминает диалектику и, во всяком случае, охотно выдает себя за диалектику. Но на деле это не так. Диалектическая мысль как пружина, а пружина делается из закаленной стали. Скеватические оговорки ничего не решают и ничему не научают. Когда основная мысль выделена резкой чертой, тогда оговорки и ограничения могут прямо располагаться вокруг нее. Если же ограничиваться одними оговорками, то получится в теории конфузия, а на практике - хаос; а конфузия и хаос не имеют ничего общего с диалектикой. По существу дела, под такого рода лже-диалектикой скрывается, чаще всего, социал-демократическое или обывательское отношение к революции, т.е. част к тому - то, что совершается помимо нас. Об отношении к восстанию, как к оруженному искусству, при таком подходе не может быть и речи. Между тем, мы хотим завлечь внимание теории этого искусства.

Все эти вопросы должны быть явля продуманы, проработаны, сформулированы. Они должны войти составной частью в наше военное воспитание и обучение - по крайней мере, для высшего командного состава. Спаяв этих вопросов с задачами обороны Советской Республики ясна и несомненно. Враги все еще продолжают твердить, будто Красная Армия имеет своей задачей искусственно вызывать войны в других странах и разрешать их при помощи своего языка. Невзначем говорить, что эта наприказуда не имеет ничего общего с нашей действительной политикой. Мы больше всего озабочены сохранением мира, и мы это доказали и доказываем всем своим поведением: и серьезными уступками при договорах, и последовательным составлением вооруженных сил. Но мы достаточно воспитаны в духе революционного реализма, чтобы отдавать себе ясный отчет в том, что наши враги все продолжают производить нас при помощи оружия. И если мы далеки от мысли искусственно всякими ме-

расси форсировать развитие революции, то, с другой стороны, мы уверены, что война капиталистических стран против Советского Союза будет связана с глубокими социальными потрясениями и с явлениями гражданской войны в странах наших врагов. К этому мы должны быть готовы. Мы должны учесть сочетание неизбежной нам оборонительной войны Красной Армии с гражданской войной в стане наших врагов. В этом смысле устав гражданской войны должен стать одним из необходимых элементов военно-революционной учебы высшего типа.